18+

Наталья Нальянова

ВАСИЦКИЕ

Война не кончилась. Она в нас. И в наших потомках. Всё дело в том, как мы к этому относимся и несём эту память.

Наталья Нальянова

Васицкие. Война не кончилась. Она в нас. И в наших потомках. Всё дело в том, как мы к этому относимся и несём эту память.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18514738
ISBN 9785447450595

Аннотация

Это роман о любви, о войне и мире. Действие происходит в наши дни. Главные герои – брат и сестра Васицкие, исследующие прошлое своих родителей и семейные тайны. Они ощутили, что Великая Отечественная война не окончена. Она в них и в их потомках.

Содержание

I. No reply 5
II. Terra incognita 10
III. Раненные жизнью романтики 13
IV. Трезвый реалист 16
V. Действия без поручения 22
VI. Мы с вами ещё не встречались? 29
VII. Они умеют говорить 33
VIII. На дне тишины 35
IX. Всё не так 40
X. О пользе салатов 45
XI. Военные медальоны 48
XII. Поиски продолжаются 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Васицкие

Война не кончилась. Она в нас. И в наших потомках. Всё дело в том, как мы к этому относимся и несём эту память. Наталья Нальянова

А вже лит билш двисти
Як козак в нэволи,
По-над Днипром ходэ,
Выклыкае долю:
– Гей, гей, выйды, долэ из воды,
Вызволь мене, казаченька,
Из биды

Из старинной казачьей песни

© Наталья Нальянова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. No reply

Юлий проснулся среди ночи и потянулся выключить компьютер, по которому все еще шел бесконечный документальный сериал.

Но спать больше не хотелось. Вернее, хотелось больше не спать.

Он быстро просмотрел новости последнего часа на Яндексе и по привычке заглянул в электронную почту.

Удалил спам. Пробежал глазами по подписке и присланным ссылкам на публикации по истории и философии.

Ничего по-настоящему интересного для него, доктора наук, профессора, там не было. Но все же надо оставаться в курсе. Привычка.

И вдруг он увидел письмо с незнакомого адреса, без текста – только ссылка на сайт «Солдаты Войны».

Он открыл страничку сайта и увидел документы из личного дела Ивана Васицкого, гвардии майора, участника Великой Отечественной войны.

На страничке были выложены фотографии рукописных приказов военных лет о награждениях Ивана Леонидовича орденами Красной Звезды, Боевого Красного знамени, званием Героя Советского Союза.

Он взволновался, и сонливость улетучилась окончательно, ведь на страничке речь шла о его отце, который умер дав-

ным-давно.

Юлий был поздним ребенком, «последышком», как называла его мать. Он родился, когда со времени Великой Отечественной минуло больше десяти лет.

Но его имя уходило в историю войны. Имя было редкое, и для того времени совсем необычное.

Отец рассказал Юлику, что обещал так назвать сына по просьбе своего друга, с которым он вместе воевал. Тот человек якобы попросил Ивана Леонидовича назвать своего сына Юлием в случае, если сам он погибнет на войне. Он был историк по образованию и особо интересовался жизнью Юлия Цезаря.

В битве за Днепр этот человек утонул на переправе. А отец Юлия выполнил свое обещание.

Детство Юлика пришлось на мирное время. И все было бы чудесно, если бы не смерть отца, которая раздавила семью, когда Юлий был еще студентом первого курса университета.

Бессонная ночь возле гроба отца сделала Юлия другим человеком. Он неподвижно просидел до утра на жестком стуле с неудобной спинкой, не замечая ничего вокруг, кроме отрешенного лица отца, такого родного, но неподвижного, безучастного, неживого.

Не хотелось верить, что это случилось, что отца уже не будет с ним никогда. Он вспоминал его слова и поступки, горько страдал от чувства сиротства, накатывавшего с приступами рыданий, которые он изо всех сил подавлял. Особенно

в присутствии других.

Когда под утро он остался наедине с телом, совсем один, он дал волю слезам, но они уже не шли, как будто перегорели внутри, превратившись в некую тяжесть, сдавившую его сердце.

Он закрыл лицо ладонями и отрешился от окружавшей его атмосферы печали. Осознал, что старшее поколение уходит, и ему пора стать по-настоящему взрослым, учиться отвечать за все в своей жизни. Но понимал, что не готов к этому. Да ему и не хочется этого.

На занятия в университет он вернулся месяц спустя. Выглядел замкнутым и отчужденным, с хмурой складкой между бровей, которая расправлялась очень редко, и вскоре превратилась в характерную морщину, придававшую ему вид сосредоточенного мыслителя. Вид при этом был несчастный и страдальческий. Юлий его терпеть не мог. Видя себя в зеркале, огорчался. И то и дело напоминал себе, что надо что-то делать с лицом. Но особо этим не занимался.

Все время он отдавал учебе. Общение со сверстниками почти совсем перестало интересовать его.

В отдельные моменты жизни он сожалел, что не может легко дружить, влюбляться, расставаться. В знак протеста против себя такого бросался в отношения, углублял их. Но тут же ему это надоедало, и он прекращал общение.

Он уже так прикипел к тишине и уюту своего кабинета с отличной библиотекой, что совершенно искренне считал

его лучшим местом на земле.

Любимым его местом был также маленький тренажерный зал, оборудованный в квартире, где он часами делал гимнастику под хорошую классическую музыку.

Так под шелест страниц и легкие вздохи Моцарта и прошла большая часть жизни. Теперь он стал осознавать конечность своей жизни, и ему было жаль тратить время на сон, когда он мог не спать.

Он по-прежнему оставался здоровым, подтянутым, интересным во всех отношениях человеком. Бреясь по утрам перед зеркалом в ванной, он часто думал о том, что с годами стал импозантен, выглядит мужественнее и значительнее, чем в молодости. И страдальческий вид давно растворился в прошлом, а когда – он даже не заметил…

Он уже много лет жил один. Его довольно-таки счастливый брак продлился более двадцати лет и закончился внезапной смертью жены. Двое благополучных детей выросли и теперь жили самостоятельно.

Приближалось лето, ему предстоял длинный педагогический отпуск, который он предполагал провести на Кипре и на подмосковной родительской даче. Но теперь планы его изменились.

Ведь его отец не был Героем Советского Союза. Насколько было известно Юлию, с войны отец вернулся в 1946 году гвардии подполковником, а не майором. На фронте служил в парашютно-десантной дивизии, был дважды ранен. Много-

кратно награжден орденами и медалями. Однако ордена Боевого Красного Знамени у отца не было. Были орден Красной звезды, а также неупомянутый в личном деле орден Александра Невского, медали. Звание полковника отец получил уже после войны, так как продолжал оставаться кадровым офицером. И с этими неточностями Юлию требовалось разобраться.

Он ещё раз взглянул на адрес, с которого пришла ссылка об отце – «no_reply».

II. Terra incognita

Юлий так и не лег больше спать в ту ночь. Тщательно собрался и выехал в дачный поселок на рассвете.

По дороге заправил топливом свой кроссовер и под звуки «Зимней дороги» Свиридова довольно быстро, за несколько часов, добрался до дачного поселка, где находился родительский дом.

Дача была полностью обустроена отцом. Здесь были все удобства, гараж, баня, бассейн, сад. Отец провел здесь все последние годы жизни. И похоронен был на ближайшем кладбище. По его прижизненной настоятельной просьбе. Там же покоилась и мать, Валерия Павловна.

После смерти отца мать окончательно переселилась из московской квартиры в дачный коттедж, устроилась на работу в соседний пансионат, где потом стала директором и жила, практически, безвыездно до самой смерти.

Мама, Валерия Павловна, была намного моложе мужа. Они поженились сразу после войны, когда отец был уже старшим офицером, прошедшим войну, а она совсем юной девушкой.

Юлию вспомнилось, что когда-то он слышал от матери, будто бы до войны у отца была другая жена, с которой он развелся. Причины этого никогда не обсуждались в семье и вообще не упоминались.

После смерти мужа Валерия Павловна замуж больше не выходила, романов не имела и прожила во вдовстве больше двадцати пяти лет.

Юлий задумался о том, что она вполне справилась со своей миссией. Ни он, ни его сестра Марина не чувствовали себя нуждающимися или брошенными. Мама была к ним внимательной, доброй, понимающей, обожала своих внуков – детей от брака Юлия с Нелли и, пока они были школьниками, брала их в свой пансионат на все лето.

До самого последнего ее дня они продолжали с удовольствием общаться, хотя и жили в разных местах. Он знал, что им всегда будет не хватать ее, потому что заменить ее не мог никто.

Он начал упрекать себя в том, что мама всегда интересовалась его жизнью, а сам он не очень-то вникал в ее жизнь, мало что знал о ее внутреннем мире. После смерти отца он не только других, но и маму не подпускал слишком близко.

Теперь он был и сам отец двух взрослых детей, которые также интересовались его жизнью лишь поверхностно. Данила и Надя любили его, но жили своей отдельной жизнью. И он решил, что это обычное заблуждение молодости – углубляться в свои собственные проблемы, и по умолчанию считать, что родители со своими трудностями и проблемами справляются на «раз-два» и в духовной поддержке детей не нуждаются.

Как бы там ни было, он был намерен внимательно изучить

все, что осталось от жизни родителей. В тот момент, когда такое решение сформировалось, он вполне осознал, что собственная жизнь его родителей для него есть terra incognita.

III. Раненные жизнью романтики

Родительский дачный коттедж имел жилой вид, а сад не казался заброшенным. Юлий знал, что это дело рук его старшей сестры Марины и что она часто бывает здесь.

Теперь он то и дело размышлял о прошлом, о родителях, сестре, их семейной жизни, думал о том, что же такое была для него эта семья. И удивлялся, что не удосужился сделать этого раньше.

Марина любила маму, хотя с детства выступала её идейной противницей.

Когда мамы не стало, Юлий обратил внимание на то, что Марина очень похожа на нее. И, как свидетель отчаянных попыток Маринки во всем противостоять матери, был изумлен.

Считалось, что Марина – папина дочь, а Юлик, родившийся после Марины спустя шесть лет, был маминым. Со временем Юлий понял, что Марина только делает вид, что любит папу сильнее. Ей страстно хотелось безраздельной любви мамы, а на половинку она никак не соглашалась.

Это выражалось в том, что Марина жила, постоянно наблюдая за мамой. Она крутилась вблизи Валерии Павловны как малая планета вокруг Солнца и совершала разнообразные личные подвиги, демонстрировала достоинства, добиваясь её признания.

Так, Марина была лучшей ученицей класса. О ее выдающихся способностях на всех собраниях безустанно говорили учителя. В девятом классе она научилась шить блузки, костюмы и даже пальто – такие, как ни у кого другого. И лучшую вещь, зимнее пальто, она сшила для мамы.

Марина читала классику и действительно любила и знала творчество Л. Толстого, Достоевского и Блока, к которым питала нежные чувства мама. Наконец, Марина всегда была красавицей.

Но Марина не хотела нянчиться с Юликом и в детстве бурно восставала против этого. Она решительно не соглашалась готовить еду для брата. Не хотела ходить в магазин за продуктами, убирать квартиру. Всё, что казалось ей тупым и монотонным, она делать категорически отказывалась. И если бы мама её заставляла, Марине было бы легче.

Но Валерия Павловна не принуждала дочь. Сама готовила пищу, ходила в магазины, убирала квартиру, отводила Юлика в детский сад, либо брала с собой на работу. Если бы у нее было меньше домашних забот, она бы обязательно уделяла общению с дочерью гораздо больше времени. Но помогать маме было особенно некому. Папа имел после войны больное сердце, страдал стенокардией, болел, ему нужен был покой. Юлик был маленький мальчик, которому мало что можно было доверить. А Марина была старше и гораздо больше годилась в помощницы маме.

Неужели умная Маринка не понимала этой простой ис-

тины? Юлик догадывался, что понимала прекрасно. Но ей не нужны были крохи. Мама ей была нужна вся безраздельно. Всё или ничего. Потому что она обожала маму.

У мамы был не только безупречный вкус, но и разнообразные дополнительные таланты. Мама чудесно пела. Играла на фортепиано. Разбиралась в искусстве и литературе. Мама очень вкусно готовила. Вообще она была личное Маринкино счастье и чудо, которым несправедливо завладел другой человек.

Ну, а что же папа? Папа был тайным Юликовым идолом. Папе не требовались красота и таланты. В глазах Юлия папа был смел, силен духом и совершенно справедлив.

Юлий вполне осознавал, что по части силы духа ему далеко до отца. Но потребность в справедливости у него тоже была развита и не раз ставила его в тяжелые жизненные ситуации. Теперь это называлось ригидностью личности, жесткостью, рассматривалось как помеха в общении, качество, мешающее адаптации личности в обществе. Ну, и на самом деле – о какой такой справедливости можно толковать, если её нет ни в природе, ни в обществе? Соглашаться и принимать всё как есть гораздо спокойнее, безопаснее, полезнее во всех отношениях.

Но Юлий, уже много лет и с удовольствием читавший книги по философии, сделал для себя выбор – конформистом ему никак не стать.

IV. Трезвый реалист

Марина Ивановна Васицкая оставила себе для работы по специальности не более трех дней в неделю. Остальное время она жила не в своей московской квартире, а в подмосковном родительском доме, расположенном в дачном поселке.

Каждый, раз возвращаясь из Москвы «домой», она испытывала приятное волнение. С годами это стало чем-то вроде рефлекса. Здесь она забывала о том, что ей много лет. Что ей пора бы уже оставить свою юридическую практику и уйти на пенсию.

Войдя в гостиную, она первым делом смотрелась в старинное большое зеркало. Ну, не молода, да. Но ведь хороша. Стройна, легка, волосы густые и живые. Лицо ухоженное. Одета со вкусом. А сила и выносливость как у молодой. Потому что здоровье не подводит.

Она облачалась в красивую домашнюю пижаму или спортивный костюм и с удовольствием занималась домом или садом.

А по вечерам читала мамины книги, слушала мамину музыку.

У нее не было своих детей. Муж погиб во время Чернобыльской катастрофы. И остался только мир мамы. Он делал её жизнь полной и по-своему гармоничной.

Иногда, слушая мамины любимые вещи, «Венгерские танцы» Брамса, «Чардаш» Монти или нежную фантазию Шуберта, она чувствовала такой прилив сладкого упоения, что у нее перехватывало дыхание. И опасалась таких всплесков. Ей думалось, если её психика выдает такие бурные позитивные реакции, то и негативные будут неслабыми, жди депрессию. Маятник раскачивается.

Марина не знала, бывают ли у нее настоящие депрессии. Иногда ей бывало по-настоящему грустно и тяжко.

Но она спрашивала себя – как я впадаю в такую горечь, отчего она охватывает меня? И всегда находился убедительный и мотивированный ответ, после которого настроение улучшалось. Долгие годы она изо всех сил боролась с неистовым романтиком в своей душе. И ей казалось, что наконец-то трезвый прагматик-реалист одолел его. Жизнь стала ровной и размеренной.

После смерти мамы она долго страдала от горечи утраты. Не смогла заниматься привычным делом – журналистикой. Ей стало трудно общаться с незнакомыми людьми, мотаться по миру.

Все в профессии стало казаться насквозь лживым. От пиара делалось тошно. Она уволилась с работы и долго не хотела никуда устраиваться. Понимала, что ей нужны перемены, но какие именно, на что она может решиться? Ответа не находилось.

Ее возможности изменить жизнь в это время уже не огра-

ничивались семьей – мужа не было в живых, она жила одна. Лишь возраст останавливал ее. Когда тебе за сорок, какие уж тут радикальные перемены!

Постепенно она пришла к выводу, что ей нужно сменить профессию. Еще в годы учебы на филологическом факультете МГУ она заинтересовалась правом. В одной из книг по истории культуры прочла, что рецепцию римского права в средние века обеспечили своими трудами ученые-филологи европейских университетов. Потому, что только они могли перенимать и толковать терминологию и нормы права, профессионально пользуясь латынью. И в то время существовало мнение, будто только филолог может быть хорошим юристом. Это так заинтересовало её, что она стала читать книги по праву. Не учебники, а монографии по частному праву, по истории римского права.

Поэтому выбор новой профессии у нее был предопределен – учиться она поступила на вечернее отделение юридического факультета.

На вводной лекции по теории права молодой доцент обратил внимание слушателей на то, что обучиться юриспруденции за три с половиной года, которые отведены на получение второго высшего образования, невозможно. И вообще он считал, что по второму образованию настоящих юристов не бывает. Юристом надо быть по основному образованию, которое следует получать смолоду и не каждому, а только людям с особым складом ума и характера.

Марина удивилась и попросила пояснить эти мысли. Доцент пространно ответил, что юрист отличается от всех прочих людей, прежде всего, тем, что имеет юридическое мышление. А сформировать такое мышление можно только одним способом – системно и добросовестно изучая историю и теорию права.

Это был вызов. По крайней мере, для Марины. И она с головой ушла в учебу. С отличием закончила юридический факультет, получила диплом бакалавра юриспруденции. После этого поступила в магистратуру МГУ, а потом и в аспирантуру. Сдала кандидатский минимум, но защищать диссертацию не стала. Хотелось практической работы, и она сдала адвокатский экзамен.

Спустя несколько лет честно созналась самой себе, что не сумела утвердиться в этой профессии, несмотря на то, что коллеги признавали её в качестве образованного и способного адвоката. Сама она вначале испытывала удовольствие, оттого что достигла поставленной цели и еще раз доказала себе и другим, что ей многое по плечу.

Многое, но не всё. Выигранных дел у нее было меньше, чем у коллег. А ведь она, особенно на первых порах, старалась выйти за пределы возможного, сделать все, чтобы решение суда состоялось в пользу ее подзащитных.

Иногда ей случалось выигрывать заведомо проигрышные дела, за которые никто не хотел браться. Это был успех, за которым шли известность и признание.

Но в придачу к этому успеху косяком шли проигранные дела. Она огорчалась из-за этого, обсуждала нюансы дел с другими адвокатами. И все они повторяли одно и то же: не парься, брось, неужели ты воспринимаешь проигрыш дела в суде как личное поражение? Это же непрофессионально, наивно.

Марина сознавала, что, несмотря на обширные знания и умение безукоризненно составлять процессуальные документы, чего-то очень важного ей не удалось постичь. Она стала чаще общаться с коллегами неформально. Ездила в загородные клубы, где собирались успешные юристы, ходила в кафе и рестораны на ланчи и ужины. Систематически просматривала судебную практику, журнальные публикации по праву.

И заметила интересную закономерность. Как правило, в апелляционном порядке отменялись только те решения судов первой инстанции, которые основаны на нормах материального права. Решения, основанные исключительно на постановлениях пленумов судов высших инстанций, оказывались непотопляемыми даже в тех случаях, когда они, мягко говоря, уже не вполне соответствовали духу и букве закона.

Марина огорчилась, что поняла это только теперь, а не в то время, когда проходила учебную практику в суде. И пришла к выводу, что именно повышенное внимание к теории материального права и помешало ей разглядеть эту простейшую закономерность ведения процессов.

Последующие её судебные дела подтвердили догадку. На самом деле, в суде все оказалось гораздо проще, чем ей представлялось. Большинство судей разрешали дела без затей, по принципу: есть процессуальные правила, есть судебная практика – по ним и разыгрываем действо. И только.

Она не осуждала их. Им ведь надо тоже сохранять должность, здоровье, а нередко и жизнь. А правосудность… Что ж они не боги, а только лишь люди, решившиеся судить других людей.

Работать ей стало просто, но неинтересно. Стали более заметны и другие издержки профессии – толчея и неудобства в судах, необходимость мотаться по всей стране, негативное отношение клиентов в случаях, когда их права оказывалось невозможно защитить в суде.

Она стала брать минимум судебных дел. По просьбе приятельницы начала заниматься работой поверенного по делам иностранных граждан, имеющих имущественные права в России. Доверителей становилось все больше. Денежные вознаграждения ее росли. Для этой работы адвокатского статуса не требовалось, и она отказалась от него.

V. Действия без поручения

Ей нравилось ездить к источнику на велосипеде. Она накачала питьевой воды в бутыль, закрепила её на грузовом багажнике и под вздохи леса и птичий щебет неторопливо покатила по проселочной дороге к родительскому дому.

Дорога петляла среди деревьев и кустов, выкладывая виражи и легкомысленные коленца. Никто не заботился о её прямизне. Этим такая езда и нравилась Марине.

Она не остановилась, когда зазвонил телефон в кармане джинсов. По звонку определила, что звонит Юлий. Он обычно звонил ей, когда собирался приехать на дачу. Она поехала быстрее, насколько это позволяли глубокие колеи, промытые в песчанике.

Во дворе возле крыльца дома стоял кроссовер Юлия. А Маринин седан теперь стоял в гараже. Она подавила недовольство таким самоуправством и улыбнулась при виде младшего брата. Эта его морщина на лбу и озабоченный вид… Снова какая-то буря в стакане воды. Она поцеловала его в задумчивый лоб. Как будто в детство вернулась на миг.

Пока он заносил бутыль с водой в дом, на засов запирал ворота и мыл руки, она приготовила завтрак. Оба знали, что важный разговор состоится после еды, за чаем.

Но вот уже и по второй чашке выпито, а дальше его отпуска и новостей о его детях, Наде и Даниле, дело не пошло.

– Ради Бога, Юлик, что случилось? Выкладывай, наконец, – не выдержала она.

– Ты знаешь, я и сам не знаю. Но такое чувство, как будто случилось нечто очень важное. – Он замолчал, обдумывая что-то.

– Сейчас получишь в нос, если не расскажешь немедленно, – пошутила она. —

Он молча раскрыл пластиковую папку и положил перед ней распечатку страницы сайта «Солдаты Войны», где речь шла о майоре Васицком.

– О! – удивилась она, просматривая текст. – Как ты это нашел?

– Ссылка пришла сегодня ночью. По электронке. От неизвестного отправителя, – пояснил он.

– Разве наш папа был Героем Советского Союза? – еще больше удивилась она.

– Это я тоже хотел бы знать – пробормотал он. – И ордена не те.

– Но ведь это может быть и просто однофамилец, – заметила Марина.

– Может быть, это полный тёзка отца, а может быть, и нет, – помолчав, ответил Юлий.

– Если нет, тогда кто? – заинтересовалась она.

– Хороший вопрос, – отозвался он.

– Значит, мы должны узнать, о ком здесь идет речь. И если выяснится, что не о нашем отце, то сообщить на сайт ад-

министратору, чтобы разместили информацию и о папе. Он тоже заслужил это. – Маринина решительность всегда очаровывала Юлия.

– А много мы знаем о нашем отце? – Это было им сказано так, что Марина поняла – вот оно то, чем сейчас озабочен Юлий и что привело его сейчас из Москвы.

– Господи, Юлик, да ты же всегда интересовался папой. Ты историк. Уверена, что ты все знаешь о нем.

– Кое-что как о моем папе. А как о человеке? Воине, офицере, участнике войны? Я понял к стыду своему, что ничего, – печально отозвался он.

– Ну, так узнавай! Чего ты такой кислый? Еще не поздно. Давай, я тебе помогу. Если хочешь, буду искать сведения вместе с тобой.

– Хочу, чтобы ты помогла. Нам придется собирать информацию и о маме тоже. Ведь их жизни были много лет связаны в одну, и факты одной жизни тесно переплетены с другой.

– А хочешь я тебе открою сокровенное? – таинственно, как когда-то в детстве вдруг спросила Марина.

– Хочу, – тихо отозвался Юлий.

– У нас в семье скрыта какая-то большая тайна. Не знаю, какая. Но в поведении отца и мамы, в их словах иногда появлялось нечто такое, о чем они старались умолчать, – заявила Марина.

– Ты, как обычно, разыгрываешь меня. Тебе всегда хочется как-то подшутить надо мной, – разочарованно отозвался

Юлий.

– Ты хочешь сказать, что я сейчас вру? – обиделась Марина.

– Ну, не то что врешь, а играешь со мной. Тогда как мне совершенно не до этого. – На что Марина вздохнула и тихо ответила:

– Юлик, ты самый интеллектуальный болван на свете. Из всех, кого я знаю. Ты понимаешь многое из того, что другим дается с большим трудом. Но ты ничего не понимаешь в отношениях с людьми. Ты не понимаешь сейчас, что я говорю совершенно серьёзно. И это очень важные для меня вещи. Вот скажи, почему папа никогда не рассказывал о своих родителях? Почему у него нет никаких родственников? Почему у него никогда не было близких друзей – однокашников, однополчан, земляков? Мы ничего не знаем о том, кто были наши дедушка и бабушка со стороны отца. К какому сословию они принадлежали? Известно только, что они жили в Ленинградской области, в населенном пункте, сожженном оккупантами во время Великой Отечественной войны. По умолчанию считается, что вся семья папы погибла. А может быть, кто-нибудь из них уцелел! Могли быть родственники и в других местах. Где они жили, учились, работали, женились, умирали, наконец? Я спрашивала об этом у мамы, но и она не знала. И более того, эти вопросы ее напрягали. Полагаю, что мама знала об отце нечто такое, что она не могла обсуждать ни с ним, ни с кем-либо ещё.

– Возможно, ты и права. Сейчас мне тоже припоминается кое-что необычное. Когда мы были маленькими, папа брал меня с собой на рыбалку. И когда оснащал удочки, то потихоньку пел на ломаном языке смешные песни. Тогда я просто смеялся и просил папу научить меня этим песням, но он наотрез отказывался. А сам продолжал их тихо напевать, когда оставался один. Я подслушивал, даже записывал для памяти слова. Но такая галиматья получалась! Так мне ничего не удалось толком записать и выучить.

– Юлий, ты почему мне раньше этого не рассказывал? – возмутилась Марина. – Я бы тебе объяснила как филолог, что папа пел на каком-то российском диалекте народную песню. А если бы у тебя сохранились эти записи, мы бы сейчас определили, из каких мест происходит этот фольклор. Может быть, ты вспомнишь, где хранились твои записи? Вдруг там что-нибудь осталось?

– Не осталось, – покачал головой Юлий. – Мама всегда рвала и выбрасывала эти записки, когда мыла полы в моей комнате и складывала вещи в шкафу и на письменном столе. А тебе я ничего и не мог рассказать. Ты не хотела со мной общаться в детстве.

– Ладно, простим друг другу ошибки юных лет и постараемся их исправить насколько это возможно. – Марина помолчала и добавила: – Слишком сильная любовь ломает всё, что попадается на ее пути. И сейчас видно, как это дорого обходится. – Они замолчали, обдумывая ситуацию.

– Давай составим план поисков и разделим направления, – предложил Юлий. – Я уже набросал кое-что. Он включил ноутбук, подключил Маринин принтер и распечатал текст.

После обсуждения Юлию достались военные архивы и поиски личного дела отца. А Марина взяла на себя работу с администратором сайта «Солдаты Войны» и поиск сведений об отце в документах и других вещах, оставшихся после смерти мамы.

Они сходили вместе на кладбище, где были похоронены их родители, отнесли на могилы сирень, тюльпаны и нарциссы. Марина привычными движениями убрала листья и увядшие цветы с надгробий, расставила букеты свежих цветов.

Пока она поливала растущие вдоль надгробий ландыши и примулы, Юлий разбирал надписи на памятниках других, окружающих могил.

Эпитафий было немного. В основном даты рождения и смерти, имена и фотографии ушедших. Но на могилах Ивана и Валерии Васицких эпитафии были. Под портретом отца надпись, составленная мамой:

«Вся жизнь твоя промчалась, словно миг
Исчезла в небыты, подобно мифу.

Как много дал ты нам любви и света!
Мы все в долгу перед тобой за счастье это».

Эпитафию для мамы выбирала Марина.

«Ты была нашей путеводной звездой, горячей и ослепительной. И осталась ею навсегда. Но как нам жить без тебя, мама?».

Юлий сфотографировал надписи на мобильный телефон.

Вернувшись домой, они окончательно согласовали свои дальнейшие действия по розыску сведений об отце.

После обеда Юлий поспал, а потом отправился в Москву.

Марина занялась изучением сайта «Солдаты Войны».

VI. Мы с вами ещё не встречались?

Закрыв ворота, она вернулась в дом и села за компьютер. От слез, катившихся по щекам, на клавиатуре образовалась соленая лужица. Вскоре вымокла также компьютерная мышка и перестала работать.

Потеряв терпение, Марина выключила компьютер. И строго спросила себя: *Отчего это я реву? И как я довела себя до такого состояния?*

На первый вопрос ответов нашлось много:

Оттого, что я тоскую о маме. Оттого, что мне жаль, что родителей нет, и никогда не будет. Оттого, что мне не хотелось бы ворошить мамино прошлое; боюсь, что ничего хорошего из этого не выйдет. И, наконец, оттого, что я так мало знаю даже о самых близких людях. Когда они были живы, я занималась какой-то ерундой, вместо того, чтобы обратить внимание на самое дорогое.

На второй вопрос ответ дался легче:

Я раскаиваюсь в том, как я общалась с родителями и братом. Но я пока еще могу сделать нечто очень значимое для своей семьи. И я сделаю это, вместо того, чтобы лить слезы и терзать себя.

Она умылась и села на велотренажер. Смолоду она открыла для себя правило: тоска отлично изгоняется потом.

После велотренажера занялась легкими гантелями и обру-

чем. Потом приняла контрастный душ, испытывая мышечную радость. А жесткая массажная щетка из щетины и масло для тела с экстрактами трав привели ее в состояние блаженства.

Большая миска ранней клубники, йогурт, ломтик черного хлеба с медом и чашка кофе привычно разместились на любимом резном подносе, который она поставила на прикроватный столик вблизи компьютерной стойки.

Изучая страницы сайта «Солдаты Войны», она с удовольствием съела клубнику и йогурт.

Допивая кофе с хлебом и медом, отправила сообщение администратору сайта с вопросами:

Откуда поступила на сайт информация об И. Л. Васицком?

Есть ли у администрации сайта доступ к личному делу этого человека?

Кто отправляет ссылки родственникам участников Великой Отечественной войны и с какой целью?

Кому еще кроме Ю. И. Васицкого были отправлены ссылки о майоре Васицком?

Поступали ли запросы об И. Л. Васицком от других пользователей сайта? Если поступали, попросила связать ее с ними.

Вымыв посуду, она вернулась к компьютеру и увидела ответное сообщение администратора сайта:

Информация по вопросам 1, 2 является конфиденциальной, поэтому не предоставляется по запросам частных лиц.

Ответ на вопрос 3 пришел следующий:

Ссылки на сайт отправляются фрилансером путем отбора в Сети одинаковых фамилий. Цель – увеличение посещаемости сайта.

На 4 и 5 вопросы ответы были краткими:

Ссылки были отправлены всем Васицким, зарегистрированным в Сети.

Каких-либо запросов об указанном Васицком не поступало.

За годы работы журналистом Марина привыкла разыскивать людей. Знала, что это достаточно кропотливая работа, требующая настойчивости, терпения и изобретательности.

Она спокойно и методично изучила ссылки на всех Васицких, проживающих на территории Ленинградской области, скопировала и сохранила их в электронной папке.

Потом отсмотрела тех, кто был зарегистрирован в социальных сетях. Разместила на своей странице фотографии отца, в том числе и военных лет. И отправила запросы всем отобранным адресатам. Теперь оставалось только ждать.

Она уже собралась закрыть все вкладки и приложения и выключить компьютер, когда увидела, что пришло сообщение.

«Здравствуйте», – писал некий Илюша Васицкий, пяти-

классник. – «Мы с вами еще не встречались?».

Дальше Илюша сообщал о том, что проживает в городе Сестрорецке Ленинградской области. Адрес обещал сообщить, если она позвонит по указанному телефону и скажет честно, зачем ей это надо и сколько она дает за это. Лучше в евро.

VII. Они умеют говорить

Мамины вещи она уже давно аккуратно разобрала и после этого перебирала много раз, поэтому знала их как свои. Но сейчас ей пришло в голову, что среди этих вещей находятся и те, что принадлежали отцу. Мама ведь ей никогда ничего не говорила о том, куда делись личные вещи отца после его смерти. Вполне вероятно, что хотя бы часть их осталась в семье и мама их сохранила.

В то время, когда отец умер, Марина только что закончила филфак, работала в журналистике, была уже год замужем и жила отдельно от родителей.

Юлик учился в университете на историческом. Когда отца не стало, он ушел в учебу с головой и никого не замечал вокруг.

В этот период времени Марина встречалась с родными довольно редко. Это был пробел и в её отношениях с мамой.

Только теперь она осознала, что оставила близких в самый трудный период их жизни. Как тяжело было маме не только пережить смерть любимого мужа, но и не дать окончательно упасть духом сыну. Но мама этой тяжести никогда не показывала Марине.

Как и чем она жила в это время – теперь Марине очень хотелось узнать об этом. Она снова обратилась к личным вещам родителей.

Старые письма она читала много раз, знала почти наизусть. Это была переписка между родителями в тех случаях, когда один из них куда-либо уезжал.

Отец почти каждый год ездил в военные санатории Крыма или Кавказа. Мама уезжала на практику в село после окончания училища культуры. Отец ежегодно ложился на лечение в госпиталь. Мама ездила с детьми на лето в Анапу и Гагры, о чем свидетельствовали многочисленные почтовые открытки и фотографии.

Она отложила альбомы и открыла коробку с маминими драгоценностями. Самыми ценными были старинные серьги и кольцо из золота с сапфирами. Остальное – недорогое золото с янтарем из Прибалтики, серебро из Армении и чешская бижутерия.

Марине захотелось достать занятную подвеску из неизвестного материала в форме граненой трубки. Мама никогда не надевала ее, потому, что не носила цепочек, не любила их. Но почему-то она хранила эту странную и очевидно недорогую вещь. Марина осмотрела и отложила подвеску и вытащила из коробки серебряный портсигар.

Ни мама, ни отец не курили. Для чего эта вещь хранилась в доме? От долгого забвения портсигар давно не открывался. Марина много раз нажимала на кнопку в крышке портсигара, но открыть его не удавалось. Она потрясла его, пытаясь определить, есть ли что-нибудь внутри. И отложила подвеску и портсигар, чтобы отвезти их в ювелирную мастерскую.

VIII. На дне тишины

Юлий любил работать в хранилищах, изучать музейные фонды, специальные отелы библиотек.

Его научные интересы уже многие годы составляли исследования в области истории Средневековья.

В молодости он, как и многие его сокурсники, интересовался историей Возрождения – эпохи титанов и гениев. В зрелые годы открыл для себя средневековую Францию.

В особенности его увлек период борьбы с христианскими ересями. Во время подготовки докторской диссертации он много работал во французских архивах, изучал экспонаты музеев, штудировал библиотечные фонды университетов по своей тематике. Публикация журнальных статей о распространении движения катаров в монастырях северной части Франции принесла ему научные гранты двух университетов.

Теперь он был членом многих научно-исторических обществ, активно переписывался с зарубежными медиевистами, посещал симпозиумы и семинары, уделял внимание электронным документам и публикациям.

Он только что прочел электронное письмо от Марины, в котором она сообщила, что администрация сайта «Солдаты Войны» отказала ей в предоставлении каких-либо сведений из личного дела отца.

Значит, оставались архивы и необъятное интернет-сооб-

щество людей, ведущих поиски сведений об участниках Великой Отечественной войны.

С военными архивами ему работать еще не приходилось. Поэтому он начал с изучения всех доступных интернет-публикаций о розыске личных дел участников Великой Отечественной войны. И надолго погрузился в эту работу так, что не мог оторваться.

Его поразили мысли о том, что Война, а теперь он уже называл её одним словом и писал с большой буквы, отнюдь не закончена и не ушла в историю.

Читая сообщения, он содрогнулся, осознав, какое количество людей прошло Войну, или погибло,

или пропало без вести,

или пребывало в фильтрационных лагерях после плена,

или было осуждено к лишению свободы,

или лишилось родины и обращалось в архивы и в интернет чуть ли не со всего света в поисках сведений о своих родных.

И был потрясен, обнаружив, что это живое море ищущих жило, шумело и колыхалось уже многие десятилетия. Поиски передавались и переходили от поколения к поколению как семейное наследие.

Историю Великой Отечественной войны он изучал в школе и в университете. Масштабы её, представленные в учебных программах, были велики. Но только теперь он осмыслил, что как глобальная всемирная катастрофа Война необъ-

ятна и бессмертна. И человечество не изживет её последствия никогда.

Он испытал смятение оттого, что является профессиональным историком, но значение Войны как величайшего исторического события открылось ему только теперь.

И по-настоящему страшной показалась мысль о том, что сейчас люди в массе своей не осознают в полной мере серьезности и последствий войны. Поэтому война возможна, и опасности её несравнимо более велики, чем в прошедшие времена.

Он усмехнулся при мысли о ничтожности собственных научных интересов. Сколько лет жизни он потратил на локальные события, давно исчезнувшие в прахе прошлого и утратившие значение!

Он встал, прошелся по комнате, разминая напряженные мышцы. Взял в руки эспандер и… положил его на место. Встал на беговую дорожку и не смог заниматься. Включил музыку. Зазвучала «Аве, Мария!». Слушать её он не мог. Тяжело вздохнул и пошел на кухню.

Если бы у него была водка, он бы сейчас напился. Но он никогда не пил от боли и тоски. И вообще пил очень редко. Поэтому водки не оказалось. Он налил в стакан две чайных ложки валерьянки и, разбавив их кипяченой водой, выпил. Лег на диван и накрылся подушкой.

Потрясение сжимало его изнутри. Он задумался о том, почему поиски так расстроили и огорчили его. И понял, что

совершенно растерян.

Ведь он сегодня узнал, что документы крупнейших военных архивов не оцифрованы, хранятся только на бумажных носителях.

Личные дела офицеров Войны разбросаны по разным архивным учреждениям. На одного человека могло быть составлено несколько личных дел, содержащих расхождения в биографических данных, количестве наград, участии в боевых операциях.

А могло быть и так, что личное дело вообще не составлялось, оформлялась лишь учетно-послужная карточка. Личное дело могло быть и уничтожено – утеряно, утоплено, сожжено во время Войны или после нее.

В такой ситуации найти личное дело отца оказывалось практически нереально. Да и стоит ли искать, если теперь понятно, что на сайте могла быть размещена ошибочная информация? Состояние бессилия угнетало.

Он позвонил Марине и сообщил о своих сомнениях. Марина велела ему не киснуть, верить в лучшее и продолжать поиски.

Успокоившись и поразмыслив, он отправился в военкомат.

Служащая архивного отдела военкомата расспросила его о возрасте, воинском звании, времени увольнения из армии и месте жительства И. Л. Васицкого. Согласилась, что последним местом его учета должен быть именно этот военный

комиссариат. Но учетно-послужной карточки и личного дела этого офицера в их картотеке не оказалось.

– Почему же у вас ничего нет? – спросил Юлий.

Она пояснила, что после истечения срока хранения учетно-послужные документы офицера, очевидно, были переданы в архив. В какой именно архив передавались документы личных дел в семидесятые годы прошлого века, она не знала. Посоветовала обратиться в Центральный архив Министерства обороны в городе Подольске.

IX. Всё не так

– Ни в какой Подольск ты не поедешь, – заявила Марина, когда он сообщил ей о своем намерении. – Ради какого ляда ты потащишься туда, если не знаешь, выдадут ли тебе личное отца дело для ознакомления? Найди себе помощников. Может быть, кто-нибудь из твоих аспирантов или дипломников родом из Подольска.

– Ты же знаешь, что мне это неприятно. Зачем предлагаешь использовать служебное положение? Я никогда такого не допускал. – Юлий поморщился, подыскивая слова. Он не любил объяснять мотивы своих поступков, оправдываться.

– Ради Бога, не начинай. Я найду тебе помощников. Езжай домой и отдыхай, – ответила Марина.

Она отключила связь на мобильном телефоне и продолжила диалог с работником ювелирной мастерской.

Смуглый молодой человек в это время рассматривал старинную подвеску из темно-серого материала, которую Марина извлекла из маминой шкатулки. Закончив осмотр, протянул Марине.

– Это не к нам, – покачал он головой.

– А портсигар? Он же серебряный. Мне нужно, чтобы он открывался.

– А портсигаром можем заняться. Что еще с ним сделать?

Почистить, отреставрировать, продать?

– Только то, что я сказала. И почему вы подвеску не берете? Что с ней не так?

– Все не так, – обаятельно улыбнулся мастер. – Во-первых, это не подвеска или кулон, как вы полагаете. Во-вторых, она не имеет никакого отношения к ювелирным украшениям.

– А что же это такое? – удивилась Марина.

– Я не знаю. Вначале мне показалось, что это сделано из гагата. Но только на секунду. Теперь я вижу, что это вообще не натуральный камень. Могу предположить, что сделано это из черного дерева, хотя – не уверен. Знаете, – оживился он. – Ко мне как раз дедушка из Еревана приехал, могу спросить у него. Он здесь, – и мастер махнул в сторону подсобного помещения.

Марина согласилась и присела на светлый кожаный диван, стоящий у окна. Через несколько минут молодая женщина с большими темными глазами выкатила в салон миниатюрный столик на хромированных колесиках и предложила ей кофе и пахлаву.

– Угощайтесь, – ласково улыбнулась она. – Я вам кофе сварила из чистейшей минеральной воды. Смотрите, какая пенка! И пахлава свежая.

Марина выпила кофе и съела маленький кусочек пахлавы.

– Сколько это стоит, – спросила, она, доставая портмоне.

– Нисколько, – снова улыбнулась женщина. – Мне хотелось сделать вам приятное.

– Спасибо, – поблагодарила Марина.

– На здоровье, – отозвалась она. – Рубик, то есть Рубен, уже сейчас выйдет.

Марине было слышно, как в соседней комнате Рубен что-то быстро говорил на родном языке. Низкий голос пожилого человека немногословно отвечал ему. После паузы невидимый собеседник Рубена строго произнес длинную фразу, после чего Рубен вышел в салон.

– Это эбонит, – сказал он, – из натурального каучука. А откуда у вас эта вещь?

– Семейная реликвия. От родителей осталась, – неохотно пояснила Марина.

– Тогда я должен вам сказать, что это не просто кусок эбонита. Это старинный воинский медальон. Дедушка сказал, что их в войну выдавали офицерам Красной армии. У его дяди был такой. Если хотите я его открою. Но мне придется его слегка надрезать, т.к. резьба нарушена. – Марина молча кивнула, стараясь унять волнение.

Через несколько минут Рубен протянул ей разрезанную эбонитовую трубку, внутри которой находился туго свернутый рулон плотной пожелтевшей бумаги.

– Спасибо, – прошептала она и снова потянулась за портмоне.

– Ничего не надо платить, – мягко сказал Рубен.– К счастью, не все же продается в этом мире! – Марина улыбнулась ему и, крепко сжимая медальон, отправилась к своей маши-

не.

В мобильном интернете она быстро отыскала ответы на свои вопросы. И узнала, что эбонит – продукт вулканизации натурального или синтетического каучука большими количествами серы. Хорошо поддается механической обработке, газонепроницаем, стоек к действию кислот и щелочей; обладает электроизоляционными свойствами. В годы Великой Отечественной войны применялся для изготовления капсул воинских медальонов, в просторечии – «смертников».

Про медальоны в Википедии говорилось, что военнослужащим в годы войны выдавались медальоны или личные опознавательные знаки, по которым похоронные команды и штабы должны были определять биографические данные военнослужащего и его принадлежность к определённой войсковой единице. Эбонитовые медальоны в действующей армии постепенно были заменены на металлические в виде коробочки с крышкой, для которой на военных брюках имелся специальный карман. Еще она узнала, что многие офицеры не хотели заполнять установленной формы вкладыши и носить медальоны в бой из-за поверья, что после упаковки капсулы вкладышем этого бойца непременно убьют.

Она бережно упаковала медальон в пакет, чтобы прочесть вкладыш дома. И приказала себе сохранять спокойствие и держать себя в руках, что бы ни происходило.

Дома она вначале прочитала найденную в интернете инструкцию о том, как обращаться с ветхими документами, как их извлекать, разворачивать, сохраняя целостность. Выбрала подходящий пинцет, надела тонкие латексные перчатки, поставила перед собой маленький поднос и осторожно вытащила бумажный сверток из капсулы.

Медленно развернув рулончик, она увидела, что это не вкладыш установленного образца с необходимыми биографическими и личными данными, а фотография молодой женщины. Очень старая, с едва различимым изображением. Зато надпись на фото сохранилась лучше.

«Любимому Ванечке от жены Ольги Васицкой, Ленинград, 1942 год».

X. О пользе салатов

– Я никогда и ни за что не поверю, что мой отец был двоеженцем. Не такой он был человек. Уверен, что его первая жена погибла в блокаду или во время эвакуации. Или же он с ней развелся. – Несмотря на то, что Марина ему не возражала, Юлик был исполнен праведного возмущения. – Поэтому после войны папа женился на нашей маме.

Но Марине хотелось говорить о поисках по существу.

– Это все означает, что у нас могут быть неполнородные братья и сестры, племянники и так далее, понимаешь? А если эта Ольга все еще жива, что вообще-то маловероятно, то ей должно быть около девяноста лет. Вот если бы удалось найти её, или её потомков, или кровных родственников, – мечтательно протянула Марина.

Юлий метнул в нее возмущенный взгляд.

– А зачем?! Ты еще в журналистике привыкла ко всему жареному, соленому, гаденькому, – крикнул он. – Для чего это тебе нужно? Увериться, что наша семья основана на обмане, лжи, грехе?

– Нет, – спокойно ответила Марина. – Я уверена, что мои родители любили друг друга. Поэтому и мы все оставшиеся, ныне живущие любим друг друга. И я совершенно не боюсь, что откроются какие-то неприятные детали их жизни. Я буду искать любую информацию о родителях. Любые све-

дения о них мне дороги, понимаешь? Я чувствую, что это моя обязанность, важная жизненная миссия. А ты перестань плеваться ядом и садись за работу. Ищи все, что возможно об эбонитовых медальонах – когда, где, какой формы и какого размера изготовлялись и выдавались такие капсулы.

Юлий молчал. И поймал себя на том, что любуется Мариной. Как она красива утончённой, изящной красотой! С годами ее лицо стало мягче, ещё женственней, значительней. Его впервые посетила мысль, что он недооценивал свою сестру, а точнее упрямо не замечал её достоинств. Почему?

Ему не хотелось думать об этом. Он включил компьютер и открыл стартовую страницу поисковой системы.

Марина прошла на не в раковине, а в посудомоечной машине. Шторы, окна и полы казались чистыми. Она знала, что он уже много лет пользовался услугами приходящей уборщицы. Готовую еду покупал в индийском ресторане. Иногда готовил сам. Она открыла холодильник и осмотрела имеющиеся продукты.

– Окрошку приготовить или солянку? – крикнула ему в другую комнату она.

– Давай лучше плов с куриной грудкой. Ты лучше всех его готовишь. И побольше шафрана, моркови и луку, – откликнулся он. – И еще сделай яблочный пай. Какой мама готовила.

– А не облезешь? – чуть было не ответила она по давней привычке.

Но вместо этого ответила согласием и достала из холодильника нужные продукты, а также еще и овощи для двух салатов – капустного с солеными груздями и салата из лосося, редиса и маринованного имбиря.

Салаты – поощрительные блюда для нее самой. Мама ведь всегда хвалила её за сдержанность и самообладание. Которые, если честно, в детстве ей удавалось сохранять с большим трудом. Особенно в отношениях с Юликом.

XI. Военные медальоны

Юлий почти не спал следующую ночь.

После ухода Марины он много часов провел за чтением Интернет-публикаций о военных медальонах. Узнал много нового, поразительного для себя. Его особенно впечатлили истории о зачистке поля боя.

Специальные команды с обеих воюющих сторон подбирали не только раненых, но и убитых. Или хотя бы идентифицировали их, чтобы зачислить в число погибших либо пропавших без вести.

Из-за больших человеческих потерь в годы Войны эта работа проводилась второпях, либо вообще не проводилась. Поэтому в число пропавших без вести или убитых попали сотни тысяч людей с совершенно иной судьбой.

Кроме того на многих раненых, находившихся без сознания, медальонов вообще не было. Установить их личности было невозможно. Особенно в тех случаях, когда не оставалось в живых никого из тех, кто мог их опознать. Часть людей после тяжелых ранений или контузий теряли все имущество и не могли вспомнить, в каком именно войсковом подразделении служили.

По положению в медальонах должно было храниться два вкладыша – один для специальной команды, другой оставался на теле раненого.

В случае ранения в госпиталях должны были фиксировать факт лечения и перемещения на основании сведений из вкладыша о фамилии, имени, отчестве, месте рождения, месте призыва, должности, звании, войсковой части и группе крови раненого. Начальники полевых госпиталей не имели права принимать на лечение и ставить на довольствие неопознанных лиц. У каждого поступившего должен был изыматься вкладыш, хранящийся в медальоне. На деле же так делалось далеко не всегда.

Частыми были случаи, когда в медальоне хранился незаполненный вкладыш с прочерченными рукой писаря чернильными графами. Либо, что еще хуже, вкладыш, заполненный самим писарем, где сведения указывались неточные или неправильные.

Недостаточным было и снабжение частей медальонами. В таких случаях командиры, выполняя указы командования, требовали от личного состава изготовления самодельных медальонов из отстрелянных гильз или других пригодных средств.

Поэтому среди поисковиков, занимающихся раскопками на полях сражений, бытует понятие «подозрение на медальон». Любой сохранившийся предмет, найденный рядом с останками погибшего в годы Войны солдата или офицера, рассматривается как потенциальный источник вкладыша. Существуют и применяются сложные технологии транспортировки и открытия медальонов, пролежавших в земле

более шестидесяти лет.

И, наконец, есть люди, которые занимаются поисками военных медальонов в местах сражений всю свою жизнь. Первые поколения таких энтузиастов уже умерли и на смену им пришли новые, которые скрупулезно изучают историю Войны, места сражений и проводят там раскопки.

Под утро он нашел сведения о том, что перед Войной отдельные предприятия выпускали военные медальоны из эбонита. Причем по цвету и форме эти медальоны отличались один от другого.

Он много раз рассматривал оставленный Мариной распиленный медальон из эбонита, сравнивал его с картинками и фотографиями, выложенными на сайтах, и пришел к выводу, что подобного вида, цвета и размера медальоны выпускались во время войны в Ленинграде. Из чего можно было сделать вывод, что отец служил в Ленинграде, либо воевал на Ленинградском фронте.

Эта мысль принесла ему облегчение. И он дал себе отдых.

Проснулся он во второй половине дня от телефонного звонка. Кто-то звонил и звонил на номер городского телефона. Когда звонок смолкал, начинал звонить мобильный телефон. По мелодии вызова он определил, что звонит его дочь Надя.

Он включил связь и услышал её испуганный голос.

– Папка, ну что с тобой такое, почему ты не берешь трубку? Я думала, с тобой что-нибудь нехорошее случилось.

– Нет, все в порядке, дорогая. А ты как?

– Я? Все хорошо. Вот, звоню тебе из Подольска, сказать, что мы сфотографировали личное дело дедушки и везем его тебе на флэшке и в ксерокопиях.

– Как? Неужто вы смогли его разыскать в Центральном архиве Министерства обороны? – обрадовался Юлий.

– Смогли. Тетя Марина вчера мне позвонила, попросила найти знакомых в Подольске, связанных с работой этого архива. У моего дорогого супруга Лешеньки, который учился на стоматологическом, знакомые есть по всей стране и за ее пределами. Они ведь периодически дополнительно учатся все вместе, бывают на семинарах по имплантологии. Среди них есть и подольчане, которые по его просьбе обратились через своих знакомых к начальству этого архива, объяснили, что сведения нужны московскому профессору для исследований, что это связано и с его отцом, случай, можно сказать, уникальный. Ну, короче, нам пошли навстречу. Могли даже фотографии прислать по электронке. Но не согласились, пока мы не приедем в гости. Сказали, что мы, москвичи, так никогда и не заявимся к ним в Подольск, типа, слишком крутые. Вот мы и поехали. Только теперь Лешенька не может вести машину, за рулем я.

– Передай ему мою сердечную благодарность и давай заканчивать разговор. Раз ты за рулем это, как минимум, неполезно. Жду вас, заезжайте, – ответил он, мимолетно отметив, что Марина, оказывается, сказала Наде, будто они заня-

лись поисками личного дела И. Л. Васицкого в связи с научными исследованиями Юлия. Он снова восхитился активностью и изобретательностью своей сестры. А потом подумал:

«А может, это всего лишь журналистские штучки – хитрить, ловчить, изворачиваться, добывая сведения?». И резко одернул себя за такие мысли.

– «Это все-таки просто жизненный опыт, интеллект и разумная предусмотрительность», – решил он.

XII. Поиски продолжаются

В ожидании приезда дочери с зятем Юлий заварил вкусный чай и написал электронное письмо Марине с отчетом о работе по поиску информации о военных медальонах. Присовокупил файлы с фотографиями, указами и положениями военных лет, обосновал свой вывод о том, что отец, по всей видимости, жил до войны или служил, а потом, может быть, и воевал, в Ленинграде.

Марина ответила, что заедет к нему на следующий день утром.

Накануне она съездила в ювелирную мастерскую за портсигаром. Как она и предполагала, портсигар оказался пустым, внутри него ничего не лежало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.